

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«РУНЫ ЛЮБВИ»

Наталья Косухина
«Синий, хвостатый,
влюбленный»
«Пятьдесят оттенков синего»
«Корпорация Лемнискату.
И начнется отсчет»
«Корпорация Лемнискату.
И каждый день за веком век»	Галина Манукян
«Ученица чародея»
Елена Литвиненко
«Кукла советника»
Елена Малиновская
«Любовь без права выбора»
Ксения Баштовая
«Проклятые огнем»
«Дорогу осилит идущий»	Алиса Одинцова
«Начальник для чародейки»
Надежда Мамаева
«У волшебства запах корицы»
Ольга Громыко, Андрей Уланов
«Плюс на минус»	Мария Боталова
«В оковах льда»
Мария Боталова, Екатерина Флат
«Академия попаданцев»	Александра Салиева
«Прокляты и забыты»
Варя Медная
«Паук приглашает на танец»	Ольга Мигель
«Принц на белом кальмаре»
Мария Сакрытина
«Я клянусь тебе в вечной
верности»	Марина Дробкова
«Маг моего сердца»
Ольга Пашнина
«Осторожно, ведьма!»	Дана Арнаутова
«Страж морского принца»
Терри Лу
«Под крылом дракона»	Аня Сокол
«На неведомых тропинках.
Шаг в темноту»
Екатерина Флат
«Его Тьма»	

Соня
СОКОЛ

На неведомых тропинках

ШАГ
В ТЕМНОТУ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С59

Серийное оформление — *Екатерина Петрова*
Иллюстрация на обложке — *Александр Шапочкин*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Сокол, Аня.
С59 На неведомых тропинках. Шаг в темноту : [роман] / Аня Сокол. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Руны любви).

ISBN 978-5-17-096221-1

Сколько попаданцев кругом. И все, конечно, невольные.
Никто не мечтал провалиться в черную нору и огрести приключений. Всех закинули без спроса.

Хоть один из них оглянулся на оставленных родных?
НЕТ!

Впереди ждут драконы и принцы, а родители – это скучно.
Я предлагаю оглянуться. Всего один раз.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-096221-1

© А. Сокол, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

1

Гость

Парень был молод. И напуган. Его выдавали ломаные дергающие движения, от чего русая макушка то и дело мелькала среди листвы. Кусты у дороги не лучшее укрытие. Сомневаюсь, что в нашей тили-мили-тряндии вообще существует такое понятие. Во всяком случае, не для человека. Не для постороннего человека. Парень невероятно везуч, раз его не закогтил никто из местных.

Удивиться, покачать головой и пойти своей дорогой, благо до дома пара шагов, было бы самым разумным. Правда, это могло выйти мне боком, когда кому-нибудь придет в голову выяснить, как сюда попал человек. Конечно, этим озаботятся уже после его безвременной кончины и спросить непосредственного участника не получится, а потому... потому будут искать того, кто привел его. Сидит парень напротив моего дома, так что за выводами далеко ходить не надо, да и не будут. Не то чтобы сюда нельзя привести гостя, можно, особенно в качестве главного блюда или же ненадолго и под личную ответственность. Чего нельзя, так это оставлять его после этого в живых, особенно если он сам нашел дорогу по стежке. Такое не просят. А я и без того не на хорошем счету.

Я свернула под тень деревьев метров за пять до укрытия «гостя». Парень даже по сторонам не смотрел, до того сосредоточился взглядом на моей двери. Я тоже взглянула. Вроде ничего с утра не изменилось, обычный прямоугольник, отделанный когда-то светлыми, а теперь уже потемневшими от времени рейками. Хотелось напеть: «Избушка, избушка, повернись ко мне передом, к лесу задом...» Как хорошо, что я живу на окраине, и лес подступает почти вплотную к огибающей деревню дороге. Через село этот путешественник и пары шагов бы не сделал, но вечно такое везение продолжаться не будет. За мной вполглаза, но приглядывали, во избежание, так сказать.

АНЯ СОКОЛ

Ходок по лесу из меня еще тот, но то ли за последние пару лет мои умения изменились в лучшую сторону, то ли парень настолько сосредоточился, что забыл о самосохранении. Я бы на его месте от каждого шороха вздрагивала. Ну при условии, что знала, куда и к кому меня занесло. Этот либо не знал, и оттого питал напрасные надежды, либо был дураком, такие чаще всего в желудках местных оседают.

Он мог закричать, просто так, от неожиданности, когда я вышла из-за ближайшего ствола, и его шансы на выживание с призрачных уменьшились бы до нуля. Но парень всего лишь вскрикнул, ну и подпрыгнул, лицом живо напомнив мультперсонажа с выпученными глазами.

Я схватила его за руку и в два шага вытащила на дорогу, дом рядом, возможно, все еще обойдется. Справедливости ради надо сказать, что тащила я его только потому, что он разрешал или слишком растерялся. Парень был выше меня, что не так уж и сложно при моих ста шестидесяти, а вот телосложением напоминал кузнечика. Тот пограничный возраст, когда еще на тебя не засматриваются ни девушки, ни женщины, ибо слишком юн для любовника. Лет семнадцать, костей больше, чем мышц, и гонор взрослого. И тем не менее, если бы он решил вырваться, я бы не удержала.

До дома я его все-таки дотащила и даже успела впихнуть в прихожую, когда он независимо дернул плечом, высвободившись из пальцев. Я задвинула щеколду. Это, конечно, не поможет, если кто-то захочет войти, но действует успокаивающе. Я прошла в комнату и бросила рюкзак на диван. Первая комната у меня одна сплошная кухня — гостиная — библиотека, три в одном. Парень потоптался в прихожей и пошел следом. И все это без единого вопроса. Я бы давно выставила вперед крестик и судорожно вспоминала молитвы. Кстати, так и было — не вспомнила ни одной. Мальчишка держался не в пример лучше. Хотя вопрос о его уме оставался открытым.

Первое, что сделал парень, это протянул белый конверт. Без слов, одним требовательным жестом. Времена, когда я хватала все что ни попадя, давно прошли. А потому я сложила руки на груди и уставилась на гостя.

— Это... хм, — мальчишка прокашлялся и ломким срывающимся голосом сказал, — это вам.

— Уверен? — Я не скрывала иронии.

— Да. Ты Лесина Ольга. — Парень ни на миг не усомнился.

НА НЕВЕДОМЫХ ТРОПИНКАХ. ШАГ В ТЕМНОТУ

Чего не случается в нашей тили-мили-тряндии, но мое лицо на плакатах «их разыскивает...» еще не светилось. Вроде бы.

Я взяла конверт. Давно никто не писал мне, а теперь уж и некому. Те, кто еще жив, и думать забыли об Ольге Лесиной.

Оказалось не все. Я пробежала глазами первые строки, выругалась и посмотрела на парня.

— Ты кто?

— Олег Миров, — он пожал плечами, — меня бабушка послала...

Вот и все. Прочти письмо кто другой, и парень подписал бы себе приговор. Не то чтобы местным нужен повод, но чтобы так самому себя предлагать...

— Читал? — подняла я белый прямоугольник.

— Нет, — надо же сколько презрения на лице, а вот если бы проявил любопытство, глядишь, и не сунулся бы туда, где шанс преставиться попадаетея на каждом углу, если не чаще. Автор письма это знал и не предполагал, что парень вернется. Вернее, не предполагала.

Я снова стала читать. Святые! Что же ты творишь, Маринка?

— Как ты меня нашел? — спросила я, смятая в руке письмо.

— Бабка адрес дала, правда, я сперва заплутал, — он отвернулся, — но тут как раз ты проехала на своей красненькой, увязался следом. Ты никогда не оглядываешься. — Парень постарался презрительно ухмыльнуться, молодое лицо с первым жалким пушком, которому так не шло взрослое выражение, скривилось.

Все еще хуже: парень успел побывать и в верхнем заброшенном селе, и здесь. Мальчишка действительно везуч, если смог пробраться сюда, не привлекая внимания никого из местных. Не увидел ничего такого, от чего с криками сбежал бы и постарался забыть о нашей деревушке на веки вечные, мучился кошмарами, пока не убедил бы себя, что всего этого не было, что возвращалось бы плохими и мучительными снами, навсегда отбивая желание ходить по стежкам.

— На чем приехал? — От ответа на вопрос зависели все дальнейшие действия.

От города до нашего глухого угла километров двадцать, половину из них можно проехать на рейсовом автобусе, остальное — или на своих двоих, или на машине. Если этот дурак притащил с собой кого-то еще, постарше и с правами, можно уже никуда не ходить, а сидеть на попе ровно и ждать гостей.

АНЯ СОКОЛ

— На велике, — ответил он.

Я выдохнула. Все еще оставался шанс спасти парня.

— Так что мне сказать бабушке? — спросил мальчишка.

Ответом ему стал стук в дверь. Вернее, это я знала, что это стук, причем вежливый, а что подумал парень, когда от ударов затрещал косяк, я не знаю, лишь в очередной раз дернулся.

Притворяются, что никого нет дома, бесполезно — местные ориентируются по запаху. След отчетливо говорил визитеру, что мы вошли в эту дверь несколькими минутами ранее. Я сунула скомканное письмо в карман джинсов. Надо бы, конечно, сжечь, но если дойдет до выяснений и спрашивать будут всерьез, мы расскажем все, еще и умолять будем, чтобы выслушали.

Я подала мальчишке знак молчать и пошла открывать. Стук тотчас прекратился. Тот, кто стоял по ту сторону, все слышал.

Сделав равнодушное лицо, я дернула засов и кисло поздоровалась:

— Привет, Тём.

— И тебе того же, — высокий и массивный мужчина без лишних слов отодвинул меня и прошел в дом. Скрывать гостя не имело смысла, как и вставать на пути или возмущаться — попросту не заметит.

Тём. В привычном мире Артем Коломин, вроде бы спортсмен. Я не уточняла, мне хватает своих трудностей, чтобы вносить разнообразие в серые будни сведениями о жизни ветра — охотника.

— У тебя гости, — сказал Тём и улыбнулся.

Гость побледнел и попятился. Ну наконец-то пробрало. Парень и раньше поглядывал вокруг с опаской, но как-то вяленько, без паники. Так опасаются охранника в супермаркете, положив за пазуху кулек конфет: если поймает, будет стыдно, неприятно, но не смертельно. В нашей тили-мили-трядии все наоборот. Это понимаешь быстро, особенно когда видишь в шаге от себя улыбку и гораздо более острые зубы, чем положено человеку. Охотник — это мертвые серые глаза, бесцветные волосы, лицо без возраста и без выражения. Производит впечатление. А через минуту понимаешь, что внешность не самая запоминающаяся его черта.

— Точно, — подтвердила я и, делая ударение на последнем слове, добавила: — Это мой гость.

Ветер сделал еще шаг к парню, а тот, соответственно, от него, да так резво, что сразу уперся спиной в столешницу. Рассказы-

НА НЕВЕДОМЫХ ТРОПИНКАХ. ШАГ В ТЕМНОТУ

вать бесполезно, надо хоть раз увидеть, как двигаются охотники, как их тело перетекает из одного положение в другое, увидеть стремительность и грацию хищника. Один раз — и с человеком ни за что не спутаешь и не забудешь, если выживешь. Так что парня можно было понять.

— Чего ты хочешь? — спросила я.

Это было откровенной капитуляцией, даже без попытки побарахтаться, и мы оба это знали. Я не могла допустить, чтобы он забрал парня. Надеюсь лишь на то, что такие, как он, ничего не делают просто так. Раз охотник говорит, а не действует, значит, это кому-то нужно. Вот только кому? Тём никогда не был поклонником людей. Причин я не выясняла, слишком уж пугал меня этот мужчина, до икоты и ночных кошмаров.

Ветер развернулся, парень облегченно выдохнул.

— Я? — вроде бы удивился Тём. — Много чего...

И снова эти скользкие движения, теперь уже ко мне. По спине пробежал холодок страха. Конечно, он сразу почувствовал, ноздри охотника раздулись, а улыбка стала откровенно издевательской.

— Желание, — протянул он, вглядываясь в лицо, — любое по моему выбору, как говорите вы, люди, «будешь должна».

— Нет, — подобная перспектива привела в ужас, я ответила инстинктивно, не раздумывая, и мысленно взмолилась: «Святые, помогите!»

— Нет? — переспросил Тём, словно пробуя слово на вкус. — Уверена?

Пальцы у него были горячие. Я впервые почувствовала их жар на коже. Могла бы и обойтись. Когда тебя берут за горло, приятного мало.

— Иллюзия выбора. — Он чуть сдвинул ладонь, притягивая мое лицо к своему, пришлось встать на цыпочки. — Я могу заставить тебя сделать все что угодно.

Одно неуловимое движение — и острые когти выйдут из горячих пальцев, а не менее теплая кровь потечет по его рукам.

— Это будет долго, грязно и больно, — продолжал вглядываться в глаза Тём, — но будет. А этого человека — уже нет. Выбери: обещание — сейчас, дело — потом, а парня я вообще не видел. Либо... — многозначительная пауза, можно и не продолжать, — впрочем, меня устрают оба варианта.

— Согласна. Отпусти, — прохрипела едва слышно я, цепляясь за пол лишь носками кроссовок.

Другой бы не разобрал, но не охотник. Пальцы разжались. Я закашлялась. Молча, будто не было этой сцены, Тём пошел к двери и лишь у порога обернулся.

— Не советую выходить из дома без метки.

Я потеряла руками шею, посмотрела на парня, и тот отвел глаза. Дурак. Лицо как открытая книга, думает, должен был вмешаться, защитить даму. Хорошо, испугался как следует, и не полез. Пусть теперь он и считает себя трусом, но у нас водятся такие создания, которых и испугаться не грех. Он ведь жив. Этого более чем достаточно.

— Я... — Мальчишка хотел что-то сказать, оправдаться, хотя бы перед самим собой, но не получилось.

— Жди здесь, — отмахнулась я и побежала в спальню.

При всем паскудстве в одном охотник был прав — без метки выходить на улицу не стоило.

«Метка» — вещь своеобразная, не совсем артефакт, но и не безделица, нечто среднее. Каждый житель нашей тили-мили-триандии обязан иметь хотя бы одну. Выбрать предмет: кольцо, брошь, даже дырявый носок сгодится, главное условие, чтобы это мог надеть человек. Вещь несли к старосте (кстати сказать, весьма вредному ведьмаку), тот, в свою очередь, заговаривал безделицу, превращая предмет в метку. В итоге, местные могли приглашать людей в гости. Так здесь показывали, под чьей защитой находится чужак, или даже чей это будущий ни о чем не подозревающий ужин. У одной семьи могло быть без счета таких предметов (тут уж как со старостой договоришься), плюс те, что передавались по наследству. Некоторые вполне могли закатить вечеринку на сотню-другую человек. Многие метки хранились как память, так как давно и безнадежно устарели, ведь не наденешь же шлем с рогами или железные доспехи? Хотя, если жизнь прижмет...

У многих и так фантазия сбоила. К примеру, у старосты метка стояла на собачьем ошейнике, а у Пашки вообще на розовых меховых наручниках из секс-шопа, Тём пометил стальной охотничий нож, ибо лучшим способом пригласить человека в гости, по его мнению, было загнать тому нож между ребер.

На заговор для меня старик тоже расщедрился, ибо таков закон: у каждого должна быть метка и точка. Другое дело, что завести больше одной мне вряд ли светило. И с того самого дня я никогда ее не доставала. Вернее, его — браслет. На кожаной

НА НЕВЕДОМЫХ ТРОПИНКАХ. ШАГ В ТЕМНОТУ

основе причудливо переплетались змейки из бисера и цветных лент. В нем легко узнавалась косая самоделка, чем он, собственно, и был. Подарок от дочери на день рождения, один из последних. Метка хранилась в шкатулке с настоящей ювелиркой, но была ценнее остального золотого хлама.

Парень стоял там же, где я его оставила. Худой, растерянный и жалкий. И лишь слегка удивился, когда я завязала тесемочки на его запястье. Смотрелось нелепо.

— Поехали, поговорим с твоей бабкой.

Машину я час назад бросила прямо за домом, поленившись завести в гараж, за что горячо благодарила святых, вышших и низших. Красенькая, яркая, как пожарная машина, «Шкода» не так давно сменила видавшую виды бежевую шестерку, с которой я еле нашла в себе силы расстаться. Не потому что влюблена в отечественный автопром. Слишком многим событиям стала свидетельницей та машина, много счастливых дней пережила. Теперь она продана, да и счастье пошло своей дорогой.

Мы не успели буквально на чуть-чуть. Прежде чем сесть, парень замешкался, по всему видно, собирался что-то спросить или сказать. Но шорох, с которым перед ним появился человек, вернее, не совсем человек, заставил в очередной раз замереть соляным столбом. Это уже начинало раздражать, хотя могло быть и хуже — некоторые впадают в панику, кричат, а этот ничего, молчаливый.

Не только Тём мог двигаться быстро и бесшумно. Поэтому у парня могло создаться впечатление, что мой сосед Веник вырос перед ним из-под земли. На самом деле он перепрыгнул через кусты, разделяющие участки, и в пару шагов оказался рядом. Сосед был обычным падальщиком, но недооценивать его не стоило. Основным блюдом в меню таких созданий были свежерыкопаные покойники, но и от свежатинки никто не откажется, особенно когда представился шанс отбить ее у заведомо слабого противника. На меня он даже не посмотрел, а вот на парня уставился зачарованными глазами — так дети разглядывают леденцы в витрине магазина.

— Твой? — спросил Веник.

Не заметить метку невозможно. Для нечисти она светится в каком-то другом, недоступном людям диапазоне. Вопрос был бессмысленным. Сосед просто не стал атаковать сразу.

— Мой.

— Ясно, — кивнул Веник и сделал шаг к парню.

Я чуть не застонала, мысленно умоляя мальчишку оставаться на месте. От таких, как гребкопатель, бежать ни в коем случае нельзя, это прямое приглашение к охоте. Веник не производил столь незабываемого впечатления, как Ветер, но напугать у него получалось ничуть не хуже. Он не был грязен или нечесан, не был перемазан землей, как ожидают от кладбищенской нечисти. Лишь траурная кайма под ногтями, плюс стойкий запах старой крови. Лохматый, сутулый и двигался нарочито суетливо и дергано, такие часто вызывают смех или сочувствие. Многие принимали это за слабость, как правило, времени для перемены точки зрения падальщик им не оставлял.

Олег попятился. Веник облизнулся. Доказывать что-то ссылаясь на метку, терять время. Такие уважают лишь один закон. Закон силы. Ее у меня не было.

— Он мой, — с нажимом повторила я, обходя машину, — даже Тём признал это.

Он отреагировал на имя. Мало найдется созданий, способных проигнорировать силу, стоящую за ним, и пободаться с ветром на равных. Веник был не из их числа. Сосед наконец-то оторвал взгляд от парня и впервые посмотрел на меня с интересом, будто удивляясь, что обед вдруг встал с тарелки и начал рассуждать о высоких материях и недопустимости чревоугодия. Я задрала подбородок так, что даже слепой бы заметил следы на шее, а уж запах охотника он ни с чем не спутает.

Вывод прост. Тём был тут. Был и ушел. Ушел без добычи. Стоит ли овчинка выделки? Может, с ней что-то не так, раз даже охотник не стал связываться?

Я представляла, как мысли тараканами бегают у него в голове. Веник продолжал смотреть. За его бессмысленным туповатым взглядом впервые промелькнуло что-то другое. На столь короткий миг, что, возможно, мне просто показалось. За теплой коричневой радужкой не могло быть ничего, кроме голода и жадности, уж точно не жалостливая усмешка, хотя бы потому, что местные на жалость не способны.

Веник отступил. Маленький шагок в реальности, но такой огромный по сути. Впервые я заставила кого-то отойти. Не напугала, но заставила осторожничать и считаться, пусть не со своей силой, но тем не менее. Сосед огляделся.

— Он мой, — повторила я, и добавила: — Нас двое. Ты — один.

НА НЕВЕДОМЫХ ТРОПИНКАХ. ШАГ В ТЕМНОТУ

Еще один понятный аргумент. Конечно, любой местный справится с человеком играючи, но психологическое преимущество, эта фраза давала. С другим, более агрессивным хищником это бы не прошло, но Веник всегда был осторожен. Похвальное качество. И полезное. Падальщик отошел. Сначала на пару шагов, потом еще и еще, пока не уперся в раскидистый куст шиповника и не перепрыгнул его так же бесшумно, как и несколько минут назад.

— В машину, живо, — скомандовала я. Нечего судьбу искушать, она сегодня и так благосклонна к нам без меры.

— Мой велик? — протянул парень тоскливо.

— Забудь. Бабка новый купит.

Машина завелась, и мы выехали на дорогу. Ветви так низко склонялись над грунтовкой, что полуденное солнце расцветивало лобовое стекло корявыми темными пятнами. Тишина давила на уши. Парень отвернулся к окну с угрюмым выражением лица. Мы приближались к входу на стежку. Вернее к выходу. Для нас. Дорога всегда была одна, узенькая, бугристая, неведомо каким образом противостоящая вековому лесу, где самый молодой дубок был в два обхвата. «Шкода» еле-еле проходила по габаритам, чудом не цепляя бортами ветки кустов. Двое здесь бы не разъехались. Но дорога всегда одна. Всегда в один конец. Если кто-то именно в этот момент ехал в нашу тили-мили-тряндию, машины никогда не встретятся. Я спокойно выеду, он въедет, даже если время движения совпадет до секунды. У тебя могут быть попутчики, могут быть преследователи, или кто-то очень нетерпеливый начнет истошно сигналить, подпирая бампер, но никогда не будет идущих навстречу. Дорога всегда одна

Не знаю, какая магия, какие законы природы или не природы, действуют в этом месте. Я не ведьма, не демон, не нежить, не нечисть. Я человек. Чужая. Таким, как я, это место не спешит открывать тайны. Для таких, как я, оно вообще не существует.

Стежка. Дорога в невозможный мир. Переход из одного в другой. Тишина. Ни зверь, ни птица, ни ветер не нарушают безмолвие этого места. А человек бы мог. Я пробовала. Человек вообще — существо толстокожее и многое не чувствует, не знает и не хочет знать. Я, к примеру, пару раз здесь матерные частушки пела. Давно, правда. И если и рассчитывала, что кто-то оскорбленный святотатством вылезет и оторвет голову, то зря.

Звук как зарождался здесь, так и гас, оставляя за собой пустоту и равнодушие. Больше я не экспериментировала.

То, что тут было неуютно, это слабо сказано. Отсутствие звука тоже может причинять неудобство, пусть пассивное. Беспокойство. Тревога. Очень хочется убежать. Мне уже привычно, а каково парню? Я посмотрела на Олега. Парень не блещет умом, но не трус, что бы он сам сейчас о себе ни думал.

Я притормозила, стрелка спидометра с несчастных 40 упала совсем до 10, быстрее здесь никак, да и не хочется, если честно. В этом месте равны все: и автомобилисты, и велосипедисты, и пешеходы. Впереди овраг. Впадина. Провал дороги. Провал в мире. Глубина, заполненная белесой мутью вечного тумана.

Три года назад колеса машины резко ушли вниз, и я в первый раз окунулась в это марево. До сих пор помню свой крик, его слышали, наверное, даже в нашей тили-мили-тряндии. Знаете, это чувство, когда попадаешь в воздушную яму на самолете или мчишься на машине, а дорога резко уходит вниз? Атракцион «башня свободного падения» или банальная поездка на лифте? Это сосущее чувство пустоты. Умножьте ощущение на десять. Желудок прилипает к спине, дыхание перехватывает от страха и восторга. Вы на стечке.

Любые чувства со временем притупляются, уходят острота и новизна. Где угодно и с чем угодно так бы и случилось, но не здесь. Колеса провалились в никуда. Парень охнул. Каждый переход, как первый. Паника ударила по мозгам, захотелось кричать. Каждый раз, оказываясь здесь, я уговаривала себя успокоиться и не сойти с дороги. Не дронуть и не бросить руль, не выскочить наружу и не убежать подальше отсюда. Ничего не видно и в метре от машины. Противотуманки не помогают.

Этот долгий миг. Это короткое мгновение. Времени здесь нет. Сколько объективно длится переход, не знает никто. Внутренний хронометр дает сбой. Все, на что тебя хватает, это держать машину прямо в ожидании той секунды, когда колеса найдут опору и пойдут вверх. Мы выберемся. Должны.

У парня на одной руке мой браслет, на второй — часы. Стрелка, воображая себя компасом, лениво крутилась то в одну, то в другую сторону. Можно было бы достать мобильник и порадовать себя малопонятными значками и пикселями вместо привычной заставки, даты, времени, имени оператора. При-

НА НЕВЕДОМЫХ ТРОПИНКАХ. ШАГ В ТЕМНОТУ

боры машины не отставали от общей тенденции, стремительно закручивая стрелки и помигивая цифрами, сигналами и лампочками. Слава святым, не глохнем, я очень боялась как-нибудь застрять в этом безвременье.

Иногда я тешила себя вопросами вроде: какой здесь уклон дороги, глубина оврага — так, чтобы отвлечься. Не думаю, что когда-нибудь здесь появится хоть один дорожный знак.

Дорога прыгнула под колеса. Выход. Как всегда неожиданно и как всегда именно в тот момент, когда стало казаться, что именно этот переход будет вечным. Бесконечное мгновение кончилось. Светлый лес, дорога со стареньким асфальтом. Двигатель заурчал, стрелка тахометра метнулась вправо. Все. Мы в реальном мире. Можно радоваться. Но каждый раз меня охватывает страх, что не смогу вернуться. Я съехала на обочину и остановилась. Ничего. Мне нужна всего лишь минута, чтобы прийти в себя, вернуть мозги на место.

Стежка не закроется. Помню, как скрипел-смеялся староста: «Кто ж ее закроет! Местным тоже надо есть. А еда — это святое».

Я вернусь. Надо только разобраться с Олегом и его бабкой. Кстати, о парне. Я кожей чувствовала его взволнованный взгляд. Переход никого не оставляет равнодушным.

Мы обернулись, будто что-то окликнуло нас оттуда, из туманной дымки оврага.

Стежку никому не прятали. Поставят банальную заворотку — и все. Человеку случайному и в голову не придет спускаться в белесую муть. Он сам себе кучу причин придумает, чтобы повернуть обратно. Такая защита. Другое дело тот, у кого есть цель, кто знает, что должен пройти, кто идет за чем-то или за кем-то. Как Олег. На такого заворот не подействует, его магия пассивна и вплетается в человеческое нежелание идти по такой «неуютной» дороге. Но если кто-то проявит упорство... что ж, бросим монетку и пожелаем смельчаку удачи.

— Не страшно было одному ехать?

— Нет. — Он дернул кадыком и опустил голову.

— Хотела бы я знать, как твоя бабка нашла меня, — протянула я, включая передачу и возвращаясь на дорогу.

— Пробыла номера машины по базе, — парень пожал плечами, — у нашего соседа, дядьки Вани, сын в ГИБДД работает.

У меня дернулся уголок рта. Святые, как все просто в нынешний век высоких технологий. Я смогла встроиться в его бы-